

гуру

ТИМУР НОВИКОВ

ЗАБУДЬТЕ СЛОВА "АВАНГАРД" И "ПОСТМОДЕРНИЗМ". ДОЛОЙ ПИКАССО И ДЭМИЭНА ХИРСТА С КОРАБЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ. САМОЕ ЯРКОЕ ЯВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРТ-СЦЕНЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ИМЕНУЕТСЯ "НОВЫЙ КЛАССИЦИЗМ", А ГЛАВНОГО ГУРУ И САМОДЕРЖЦА СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА ЗОВУТ ТИМУР ПЕТРОВИЧ НОВИКОВ.

ТЕКСТ

Антон Красовский

ФОТО

Наталья Жирновская

Когда главный редактор Анзор Канкулов предложил мне написать статью про Тимура Новикова, я согласился не раздумывая, потому что сразу же выдумал заголовок – “Тимур и его команда”. В статье на равных должны были сосуществовать всевозможные положительные и отрицательные персонажи столичных художественных богем, Тимур Петрович Новиков искромётно шутил бы, крутил пластинки, красил занавески и вообще представлялся читателю не мрачным искусным Мастером с его вечным покоем, а котом Бегемотом с неисправным примусом в лапках. Но, немного оступив, я столкнулся с двумя категорическими проблемами. Во-первых, “Тимур и его команда” – заголовок хоть и справедливый, но уж никак не оригинальный, а во-вторых, уж больно юмористический. А это Тимур Петровичу не по душе, ибо он – отец всех российских печальников и основатель самого серьезного в современном искусстве движения “Новой Российской Академии Изящных Искусств”. Поэтому все, прочитанное вами далее, совершенно серьезно.

Года два тому назад Москва объявила мне полный и, между прочим, подлый дефолт. По улицам бродили странного вида горожане, привыкшие ежедневно где-то присутствовать, что-то разрабатывать, считать, писать и мастерить. Вдруг оказавшись на улицах столицы совершенно без дела, они пытались раствориться в толпе, выпрашивали у случайных знакомых телефоны их приятелей в новозеландском посольстве или в службе безопасности Издательского дома “Коммерсантъ”, где последний работающий банкомат, по слухам, распространял забытый запах наличности. Но я точно знал, что кэша там нет, а запах в банкомате сохранился благодаря поломанной вентиляции. Пошуршав пару месяцев вместе с голодными брокерами, маклерами и рерайтерами по московским бульварам, я добыл из записной книжки подружку своей однокурсницы, выпил с ней водки, и утром мы вдвоем укатили в город на вине. То есть на Неве, конечно. Тогда я впервые увидел Новикова.

То было открытие выставки из собрания какого-то эмигрантского коллекционера, который в свое время за бесценно купил полотна знаменитых русских художников. Праздничная толпа рассматривала картины, шепталась, забавлялась и переругивалась. Когда появился Новиков, все расступилось в надежде, что он, увидев верно-подданническое рвение, почтит их своим вниманием. Но он не видел – он вообще ничего и ничего не видел. Случившийся за полтора года до этого сильнейший менингит ослепил его. По городу ползли слухи, что у Тимура СПИД в четвертой фазе, что все ужасно и жить ему не больше месяца. Друг Новикова художник Сергей Шутлов обходил интеллигентные дома двух столиц, убеждая всех, что это просто менингит, трагический, страшный, невыносимый, но уже не смер-

тельный и, что характерно, не заразный. Так что можно не страшиться, – если что от Тимура Петровича и подхватишь, так это страсть к неоакадемизму и красоте вообще. Вместе с тем особы, осведомленные в таких делах, доказывали, что от смерти Новикова спасли только фантастически дорогие американские лекарства, которые удается покупать на пожертвования и гранты фонда Сороса. Количество посетителей анонимной ВИЧ-лаборатории в Петербурге удвоилось, а Тимур Петрович Новиков из блистательного аристократа и бонвивана превратился в жуткого старца, похожего на Феофана Прокоповича из многосерийной ленты “Михайло Ломоносов”. Правая рука его крепко сжимала тяжелую, как у Пушкина, палку, а на ногах торчали дикого вида коричневые сапоги. Старые, с рваными подошвами и скрепками вместо молний. Увидев их, я решил, что все деньги и впрямь уходят на лекарства, но, приглядевшись, понял – дело не в деньгах. Именно так и должен выглядеть Учитель, странно еще, что за собой он не таскал пудов эдак пять ржавых цепей – для пущей важности и юродства. “История эта очень древняя, – сообщил как-то Тимур Петрович, – и началась она, когда Платон в саду, посвященном древнегреческому герою Академу, открыл школу и назвал ее Академией, а свой дом – Музеем”. И даже если никакого СПИДа и нет, то слух о нем был необходим для окончательного превращения Новикова в самодержца петербургского художественного процесса, в его гуру. Новиков ходил по заполненным художественной живностью залам под руку с какой-то милой кустодиевского типа дамой, какие в приличных домах запекают свинину с морковкой для знаменитых гостей, а вокруг них начинала аккумуляроваться свита. Разношерстная, чертовски ленинградская: красивые мальчики с бицепсами и в тельняшках смешивались с нечистыми похотливыми троглодитами, в чертах которых смутно улавливалась человеческая глупость. О таких, называя их фриками, сам Тимур Петрович писал в журнал “ОМ” четыре года назад: “Многие путают фриков с гомосексуалистами, но скорее они асексуальны и не имеют ярко выраженного пола. Они не трансвеститы, они прежде всего – инопланетяне, коими себя чаще всего называют”. Эта статья называлась “Как я придумал рейв” и описывала странные события конца восьмидесятых, когда Новиков со товарищи, путешествуя по освобожденной Европе, учился клубному этикету, разглядывал чил-ауты и прочую так знакомую ныне дребедень. Рассказывая об этом, Тимур

Петрович, разумеется, поведал всем, как он арендовал какой-то Дом культуры и “придал мероприятию черты самых разных модных дискотек”. Приглашена туда была уйма народу, по большей части ориентированного по тем временам весьма нетрадиционно. “Поскольку сексуальные меньшинства очень ярко выражают себя в области внешнего вида, – вспоминал Новиков, – максимально броско одеваются и пользуются косметикой, то мы пригласили большое количество представителей сексуальных меньшинств. Для них вход на дискотеку стоил дешевле, чем для остальных”.

Так вот, окруженный ими, как сумасбродный король шутами, Новиков шествовал по распахнутой анфиладе Мраморного дворца. А я, стоя у окна, наблюдал, как по невскому льду идет женщина. Ее робкое серое пальтишко уже затрещало где-то у Петропавловки, и небо становилось ближе с каждым ее шагом.

Так было и в 1958-м, когда Тимур Новиков появился на свет в советском городе Ленинграде, в Дзержинском, кажется, районе. Писатель Битов в это время ехал по какому-то шикарному мосту в общественном транспорте. Писатель Битов сочинял рассказ “Автобус”. Он представлял это так: набитая трудовым людом машина ни с того ни с сего перескочит через перила моста, и все пассажиры будут, захлебываясь, судорожно искать выход. И только он – писатель Битов – всем поможет. И дедушке в беретке, и бабке с кошелкой, и дамочке с укутанным в шаль младенцем. Этим вот младенцем спокойно мог оказаться Тимур Петрович Новиков – великий русский художник и теоретик неоакадемизма.

Город был полон вернувшимися из ссылки и лагерей, их называли тогда “возвращенцами”, по разъеденным солью и немецкими фугасами крышам сновали озорные мальчишки, а в городских парках появлялись новые герои – гипсовые пионеры и пионерки с гипсовыми горнами и барабанами, в белоснежных гипсовых галстучках и гипсовых же носочках. Чудо, а не пионеры. Спустя сорок лет о них вспоминают только благодаря Тимур Петровичу Новикову, который украсил ими многие свои произведения. “Это уничтожен-

ИЗ
БЛИСТАТЕЛЬНОГО
АРИСТОКРАТА И
БОНВИВАНА
НОВИКОВ
ПРЕВРАТИЛСЯ В
ЖУТКОГО СТАРЦА ИЗ
МНОГОСЕРИЙНОЙ
ЛЕНТЫ “МИХАЙЛО
ЛОМОНОСОВ”.

ный идеальный образ нашей страны, – поведал Новиков информационному каналу Полит.гу. – То, к чему она должна была бы стремиться. У нового поколения теперь в качестве идеалов черепашки-ниндзя, супермены и подобные герои. Поэтому я попытался, создавая эту серию, хотя бы частично сохранить разрушенные образы для будущих поколений. Мне важно было сохранить как бы документ существования уничтоженного искусства и таким образом передать канон, который сформировался за те 50 лет, в течение которых создавались эти памятники". Чтобы надежнее сохранить в памяти потомков всевозможные каноны красоты, Тимур Петрович с последователями забавляются публичным сжиганием полиграфической продукции: в огне побывали журналы ПТЮЧ, "Кабинет", "Художественная жизнь" и многие другие. Автору не известно, ходит ли при этом Тимур Петрович в длинной рясе и колпаке с прорезями для глаз. Вы спросите, с какой это стати я все время напираю на то, что художника Новикова зовут Тимуром Петровичем. Правильно спросите. В России только у двух людей в искусстве есть отчество – у Тимура Петровича и у Дмитрия Александровича. Пригова, разумеется. Характерно, что у последнего оно возникло существенно позже.

Пятнадцать лет от роду, как раз, когда положено было менять алый галстук на комсомольский билет, Тимур поступает в клуб юных искусствоведов при Государственном Русском музее, где и остается на всю жизнь, ибо Академия – не что иное, как кружок юных дарований, точнее тех, кому Новиков сообщил об их даре. "Тимур Петрович заставил их всех рисовать, – рассказывает арт-критик Елизавета Плавинская, – он действительно вырастил человек 15 реально действующих русских художников: Гурьянов, Тобрелутц, Африка. Это человек, объединивший в себе влияние на крупнейший музей и по-настоящему прославивший питерских художников на весь мир". Вероятней всего, это так и есть. Кого бы я ни спрашивал, все сходилось в одном – то, что де-

лается Тимуром Петровичем, удивительно красиво, чудесно, чудотворно. Это искусство умеет и любит нравиться. Оно бежит перед народом, размахивая, словно лавровыми веточками, достижениями современной техники. Обратив внимание на камеру, Тимур Новиков заметил: "При посредстве фотографии культ Аполлона возобновляется и становится все более активным". Заметив пристрастие простолюдинов к ярким краскам, Тимур Петрович изготавливает прекрасные разноцветные знамена. Вообще, Новиков очень любит народ. В своей программной статье "Идея тоталитарного искусства и античность" он много раз указывает, что классика – красива и нравится людям, а всякие там Пикассо-Фрикассо – полнейшая гадость, которая даже в 1937 году в Пари-

учиться красиво рисовать, петь, говорить, писать стихи! Кем бы ты ни был – пэтэушником в драной кепке или легковесным эстетом с Петроградской, – ты можешь творить красоту. И повинуюсь мановению руки этого странного чело века, Ленинград начал производить искусство. Новиков заставил заниматься творчеством тех, кого раньше и близко бы не подпустили к мольберту или сцене. Он, как истинный Учитель, нес красоту в народ, черпая ее в нем самом. И здесь он подобен Толстому, только в отличие от Льва Николаевича Тимур Петрович презирает крестьянскую атрибутику – она не вписывается в его представления о красоте и народе. Пусть уж лучше босиком, чем в лаптях! Красота – вообще главное русское слово. Оно обозначает даже те понятия, которые к ней ни-

же золотую медаль за живопись не получила. И прав Тимур Петрович, народ любит, чтоб ярко и понятно. Чтoб как в "Последнем дне Помпеи" – ноготки рассматривать и восхищаться: как верно ноготок прорисован! Точь-в-точь как у моего Толика! Новиков вычленил тягу человечка к понятной красоте и подарил ему эту красоту. Впервые за сто лет! До него это неуклюже пытались делать всякие художники-реалисты конца века, но не было в их головах настоящей мощной концепции, теории, замысла. А в голове Тимура Петровича все это есть, разложено по отдельным полочкам, выстирано и выглажено. Наши учителя – Платон с Аристотелем, наши университеты – в античных академиях, наши люди – вот самое-то главное! – везде наши люди! ВЕЗДЕ! Каждый может стать красивым, на-

В РОССИИ ТОЛЬКО У ДВУХ ЛЮДЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕ ЕСТЬ ОТЧЕСТВО – У ТИМУРА ПЕТРОВИЧА И У ДМИТРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА. ПРИГОВА, РАЗУМЕЕТСЯ.

какого отношения не имеют. Вот украдет шалопай у бабушки десятку, купит на нее жвачку, а ему потом вечером скажут: "Нехорошо так делать, не красиво!" Понимаете? Красота в России не только, да и не столько эстетическое понятие. Красота, да простит меня Достоевский, спасает все: и мир, и бабкину десятку. И Тимур Петрович Новиков знает это наверняка. Поэтому и борется с модернистами и прочими тунецями, подменившими красоту весельем. Ведь как модернист скажет, что ему нравится вещь, – смешная, скажет. А хорошо – это как? – Смешно. А Тимур Петрович с этим не согласен, поскольку знает, что жизнь – это не шутка, а суровая нелегкая дорога. Поэтому и жжет всякие журнальцы, чтоб, с одной стороны, не повядно было шутить над серьезными людьми, а с другой – опять же, – для согреву. Чай не в Греции живем!